APTIME FIG PYCCKOM MCTOPIM

изданныя подъ общей редакціей и съ объяснительнымъ текстомъ С. А. КНЯЗЬКОВА

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНЪ №

MOCKEA,
M3AAME IKHEEEAb.
1912.

Проверене 1959 г.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесять художественно исполненных картинь въ краскахъ, размъромъ 66 × 88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Съровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный тексть, планъ и общая редакція С. А. Князькова.

50 картинъ по подпискъ по 90 к.

50 картинъ, накл. на кожаной бумагъ, по 1 р. 05 к.

50 картинъ на полотнъ по 1 р. 45 к.

Каждая картина отдъльно 1 р. 10 к.

Каждая картина отдъльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.

Каждая картина отдъльно, наклеен. на полотнъ, 1 р. 65 к.

Объяснительный текстъ къ каждой картинъ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

- 1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
- 2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова:
- 3. Варяги В. М. Васнецова.
- 4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
- 5: Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина:
- 6. Въче А: М: Васнецова.
- 7. Съвздъ князей С. В. Иванова:

II. Суздальская Русь.

- 8. Новгородскій торгь А: М: Васнецова:
- 9: Баскаки С. И: Иванова:
- 10. Дворъ удъльнаго князя А. М. Васнецова:

III. Московская Русь.

- 11. Великій государь, царь и самодержець всея Руси С: В. Иванова.
- 12. Святьйшій патріархъ С. В. Иванова:
- 13: Боярская дума С. В. Иванова:
- 14: Земскій Соборъ С. В. Иванова.
- 15. Въ приказъ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
- 16. Судъ въ Московскомъ государствъ С. В. Иванова.
- 17. Воевода С. В. Иванова:
- 18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
- 19: На сторожевой граница Московского государства С. В. Иванова:
- 20. Стрельцы С. В. Иванова.
- 21. Юрьевъ день С. В. Иванова:
- 22: Площадь въ городъ Московскаго времени А. М: Васнецова:
- 23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
- 24: Шиола въ Московской Руси Б. М. Нустодієва:
- 25. Въ горницъ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М.: Васнецова:

- 26. Въ смутное время С. В. Иванова.
- 27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

- 28. Въ нъмецкой слободъ А. Н. Бенуа:
- 29. Солдаты Петра Велинаго Д. Н. Нардовскаго.
- 30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
- 31: Засъданіе Сената Петровскаго времени Д: Н. Кар-довскаго:
- 32: Петербургъ при Петръ Великомъ А: Н. Бенуа:
- 33. Смотръ новиковъ Д. Н. Нардовскаго:
- 34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петръ Великомъ А. Н. Бенуа.
- 35. Петръ Великій В. А. Строва.
- 36. Императрица Анна и ея пворъ Д. Н. Нардовскаго.
- 37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ
  25 ноября 1741 г. Е. Е: Лансере:
- 38: Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа:
- 39. Въ лагеръ Екатерининск, солдатъ А. Н. Бенуа.
- 40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
- 41. Утро помъщика конца XVIII, нач. XIX в. А. Н. Бенуа:
- 42. Вахтпарадъ при императоръ Павяъ А: Н. Бенуа:
- 43. Въ разоренной Москвъ (1812 г.) Д. Н. Нардовскаго.
- 44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
- 45. Оборона Севастополя Д: Н: Нардовскаго.
- 46. Ученіе солдать въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
- 47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добу-
- 48. Балъ въ Москвъ 30-хъ годовъ Д. Н. Нардовскаго.
- 49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
- 50. Освобождение крестьянъ Б. М. Нустодіева.

8/66

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 1.

С. В. Ивановъ. Жилье восточныхъ славянъ.

5888

Пес Укоропечатни А.А.Левенсон В. Москва, Перехпрудний пер.

им. Горького Миланан р-по

Жилье восточныхъ славянъ.

Передъ нами изображение житейской сцены около одного изъ городищъ-жилитвъ въ странъ восточныхъ славянъ. Въ VIII, IX вв. и долго послъ такія жилитва то въ одиночку, то большими группами усвивали все Приднвпровье, прибрежныя части сввернаго конца великаго воднаго пути, на востокъ пробирались до верхней Оки, а на западъ берега были разсыпаны по берегамъ Западной Двины и ея восточныхъ притоковъ. До самыхъ нашихъ дней сохранились сотнями остатки этихъ жилитвъ, въ видъ болъе или менъе отчетливо зам'єтныхъ валовъ. То кольцеобразной формы, то овальной, р'єже угольной-эти валы опоясывають обыкновенно очень небольшое пространство, приблизительно по размърамъ своимъ могущее вмъстить большой крестьянскій дворъ. Что эти валы очень древняго происхожденія свидѣтельствують разсѣянные по сосѣдству съ ними курганы-древнія могильныя насыпи. Изследованіе городищь, раскопки кургановъ, свидътельства современниковъ-иностранцевъпозволяють намъ составить себъ довольно опредъленное представленіе о жизни и быть отдаленныхъ нашихъ предковъ, обитавшихъ въ этихъ жильяхъ, обнесенныхъ земляными валами, можетъ быть, иногда укрѣпленными еще частоколомъ изъ врытыхъ стоймя въ землю и заостренныхъ сверху толстыхъ бревенъ.

Жили славяне этой поры своего историческаго существованія большими семьями, связанными одна съ другой породству, но въ кругь этихъ родственныхъ семей, какъ можно думать, принимали и чужихъ, и тогда такой чужой, пришедшій въ одиночку, или со своей семьей, считался какъ бы роднымъ, «своимъ» и долженъ быль одинаково со всёми дёлить горе и радость, выгоды и невзгоды

совмѣстной жизни. Самый старшій годами, или вообще наиболѣе разумный и опытный, признавался всѣми за начальника, былъ старшиной, отцомъ всей группы семей, которыхъ жизнь и обстоятельства объединили для совмѣстнаго существованія. Жить приходилось, вѣдь, въ краю глухомъ и лѣсистомъ, среди всякихъ опасностей и отъ дикаго звѣря и отъ «чужого» человѣка, готоваго поживиться не имъ заработаннымъ и не имъ собраннымъ добромъ. Многолюдство семьи служило ручательствомъ за сравнительную безопасность. Общими усиліями легче можно было отбиться и отъ дикаго звѣрья и отъ лихихъ людей. Общими усиліями легче давалась и обработка земли и охота.

Гдв-нибудь у опушки большого леса, которому ни конца ни краю не было вѣдомо, неподалеку отъ рѣки или большого озера располагались жилья такихъ большихъ семей древнихъ славянъ. По сравненію съ укладомъ жизни большихъ семей, сохранившихся еще кое-гдъ и теперь — у черногорцевъ и герцеговинцевъ напр., можно представить себъ устройство жизни и нашихъ предковъ. Въ одномъ жиль в большая семья, состоявшая изъ двадцати, тридцати, а то и пятидесяти и даже больше головь, конечно, помъститься не могла. Можно думать, что у каждой семейной пары, входившей въ составъ большой семьи, было свое отдёльное жилье. Жилье побольше, обнесенное землянымъ валомъ, служило жилищемъ старшинъ. Здъсь внутри вала, или возлъ него, у входа собирались взрослые мужчины, отцы отдёльныхъ семей для совёщаній объ общихъ дёлахъ и предпріятіяхъ. Въ студеную зимнюю пору въ жилищѣ старшины всегда горить огонь въ прочномъ очагѣ, и каждый членъ большой семьи можетъ прійти сюда изъ своего, на живую нитку сметаннаго, жилища погръться, потолковать со старшиной, поучиться у него уму-разуму, послушать его разсказы и повъствованія о далекомъ прошломъ, о томъ времени, когда только зачиналась сама большая семья.

Жилья отдёльныхъ семействъ разбрасывались въ безпорядкѣ неподалеку отъ жилья старшины. Всякій ставилъ свое жилье тамъ, гдѣ ему это казалось удобнѣе, окружая его тоже землянымъ валомъ какъ для тепла, такъ и въ цѣляхъ безопасности. Самыя

жилища славниъ того времени, какъ можно думать, представляли изъ себя сооруженія въ родѣ шалашей, сгороженныхъ изъ жердей и тонкихъ бревенъ, сколоченныхъ деревянными гвоздями и скрѣпами, связанныхъ лыками, скрѣпленныхъ смолою и обложенныхъ хворостомъ и дерномъ. Крыша поддерживалась столбомъ, возвышавшимся посрединѣ жилья. Внутри «жилитва» находился очагъ, истопка; отсюда произошло и наше слово изба—истба—жилье съ истопкой. Изъ домашней обстановки въ такомъ жилъѣ, кромѣ печи, которая была, навѣрное, безъ трубы, имѣлись «лавы»—лавки и столъ. Столъ, какъ думаютъ, въ современномъ его значеніи, т.-е. мебели, почти несдвигающейся съ мѣста, выработался довольно поздно, и столомъ называли тогда низкую подставку, одинаково годную и для того, чтобы ставить на нее пищу, и для того, чтобы сидѣть на ней; низкія лавы были покрыты «коврами, т.-е., вѣроятно, просто шкурами звѣрей, трофеями охоты.

Главнымъ занятіемъ славянъ были земледѣліе и охота. Арабскіе писатели разсказывають, что у славянь хлібь составляль главную ихъ пищу, и особенно любили они просо, что отмъчаютъ также и греческіе авторы. По словамъ Константина Багрянороднаго, хлъбъ и мясо были обычнымъ жертвоприношениемъ, а слъдовательно и обычной пищей, потому что у всёхъ народовъ издавна велось-приносить въ жертву богамъ то, чемъ сами питаются, выбирая лучшее. Еврейскій путешественникъ Х в. Ибнъ-Якубъ отмъчаеть, что земля славянь обильна всякаго рода жизненными припасами, что славяне народъ хозяйственный и занимаются земледъліемъ усерднье, чъмъ какой-либо другой народъ. И наши льтописныя сказанія сохранили черты, рисующія славянь какъ земледъльцевъ. «Всъ наши городи... дълають нивы своя и землю свою»говорить Ольга древлянамъ. Археологическія находки вполив подтверждають эти записи. Въ могилахъ страны полянъ, древлянъ, съверянъ и другихъ племенъ находятъ желъзные серпы и зерна ржи, ячменя, овса, ишеницы. Надо думать, правда, основываясь на данныхъ XI в., что извъстны были славянамъ еще: горохъ, ленъ, макъ; изъ земледвльческихъ орудій-письменные памятники знають рало или соху, плугь, борону, мотыку, цёпь. Вятичи платили,

напримъръ, дань хазарамъ «по щълягу отъ рала». Пахали лошадями, волами. Судя по археологическимъ находкамъ костяковъ, лошади были неважныя, малорослыя и слабыя. Не чуждо было древнимъ славянамъ пахать и людьми-и тогда эту тяжелую повинность справляли рабы и женщины. На картинъ, въ лъвой отъ зрителя части, и изображена такая пахота. Соха представляла изъ себя подобранный удобно по своему искривленію сукъ или корневище, круто обожженное тамъ, гдъ соха нашихъ временъ имъетъ сошники. Такое орудіе, конечно, еле царапало землю. Но мы и не должны думать, что сельское хозяйство тёхъ временъ по своимъ пріемамъ и орудіямъ стояло на очень высокой степени развитія. Скотоводство тоже съ давнихъ поръ было однимъ изъ занятій славянь, и археологическія данныя: остатки костей домашнихъ животныхъ-лошадей, овець, свиней, воловъ, козъ-свидетельствуютъ объ этомъ. Остатки птичьихъ костей-между прочимъ, куръ, и яичная скорлупа — позволяють говорить даже о птицеводств у древнихъ славянъ. Записи арабскихъ и византійскихъ писателей, говорившихъ о жертвоприношеніи у славянъ, упоминаютъ быковъ, собакъ, пътуховъ, овецъ и тъмъ совпадають съ данными археологіи. Что скотоводство было вообще широко распространено, указывають свидътельства, говорящія о широкомъ употребленіи мясной пищи, матеріяль для которой доставляла и охота. (См. на картинъ фигуру славянина, несущаго на плечахъ убитую имъ на охотъ косулю). Мясо вли не только воловье и овечье, но и конское, какъ о томъ свидътельствуеть лътописное преданіе при характеристикъ образа жизни Святослава, который не любиль возить за собой въ походъ большіе обозы съ провіантомъ, «возъ по собѣ не возяще, ни котьла, ни мясь варя, но по тонку изръзавъ конину ли, звърину ли или говядину, на углехъ испекъ, ядяше». Крупный скотъ-воловъ и лошадей — славяне юга пріобрътали у своихъ степныхъ сосъдей, какъ о томъ разсказываеть Константинъ Багрянородный. Скотъ разводили и держали славяне не только ради мяса, но и для молочныхъ продуктовъ. Такія слова, какъ млеко, сыръ, творогъ, масло-очень древняго происхожденія, такъ же, какъ слова «руно» и «вълна» (волна), обозначавшія шерсть, и свид'ятельствующія, сл'в-

: 69:

довательно, о томъ, что славяне умъли стричь овецъ и изготовлять родъ шерстяныхъ тканей.

Въ раскопкахъ древнихъмогилъ въ странъ съверянъ, полянъ п древлянь частую находку составляють остатки шерстяной матеріи, полотна какъ грубаго такъ и тонкаго, тканаго узорно и просто. Прясло, т.-е. каменные кружки отъ веретенъ, надъвавшіеся на деревянную палочку для размаха при вращеніи-очень часто попадаются въ древнихъ могилахъ. Встръчаются часто слъды и остатки кожаной обуви различныхъ фасоновъ, куски и фрагменты ременныхъ поясовъ, кожаныхъ мѣшечковъ, сумокъ; полуистлѣвшія и совсѣмъ истлъвшія кучи шерстяныхъ остатковъ, быть-можеть, тулуповъ и шанокъ, а можетъ быть и грубыхъ ковровъ. Находили и ножницы для стрижки овецъ. По записямъ лътописи, очень случайнымъ, правда, видно, что кожу мяли руками (Никита-Кожемяка), а для обработки ея-дубленья - употребляли особый составъ--«квасъ уснянъ». Въ разсказъ о походъ Олега на Царьградъ отчетливо противопоставляются греческія ткани-«паволоки» и «кропины» славянскимъ тканямъ—«толъстинамъ».

Сосуды и разные предметы домашняго обихода, имъвшіе, такъ сказать, кухонное назначеніе, славяне изготовляли изъ дерева и изъ глины. Глиняные сосуды изготовлялись сначала безъ помощи гончарнато круга, а просто руками, но потомъ, и тоже еще въ очень древнюю пору, въ употребление вошелъ и гончарный кругъ. При раскопкахъ-остатки глиняной посуды въ видъ большихъ и малыхъ черепковъ, а то и въ цёльномъ видъ-самая частая и самая обильная находка. (См. на картинъ характерные образцы древней глиняной посуды). Раскопки дають очень много остатковъ различнаго рода подълокъ изъ дерева. Кромъ гробовъ, впрочемъ относящихся въ массъ къ тъмъ временамъ, когда среди славянъ стало въ ходу христіанское погребеніе, чаще всего встръчаются остатки деревянныхъ ведеръ съ желѣзными обручами и дужками. О процвътаніи древодъльнаго промысла среди славянъ, жителей глухихъ лъсовъ, много говорятъ и письменные памятники, повъствующие о томъ, какъ славяне дълали челны и лодки такой величины и прочности, что эти суда выдерживали далекое и опасное

морское путешествіе къ византійскимъ берегамъ. Умѣли славяне дѣлать телѣги, сани—все это слова, которыя встрѣчаются въ самыхъ раннихъ памятникахъ нашей письменности, а перечисленіе извѣстныхъ славянамъ древодѣльныхъ инструментовъ служитъ свидѣтельствомъ, что ихъ не пугали довольно сложныя и громоздкія плотничныя работы.

Обработка металловъ тоже была хорошо извъстна славянамъ. «Ковачь» и «ковать» очень старыя слова въ языкъ славянъ, какъ и «желізо», «міздь», «олово», «руда», «злато», «сребро». Археологическія находки только подтверждають сравнительно высокое развитіе техники по металлу у славянъ. Въ древлянскихъ могилахъ особенно часты какъ находки обработаннаго металла, такъ и слъды самой работы. Здъсь находять остатки перегоръвшаго жельза изъ горновъ, большіе молоты, наковальни, большіе, грубо выкованные жельзные гвозди, ножики, огнива. Доставали желѣзо, пользуясь болотной рудой, а какихъ высокихъ результатовъ достигала обработка, свидътельствуютъ находимые остатки и цълые предметы вооруженія-мечи, копья, окованные жельзомъ деревянные щиты, шлемы, кольчуги. Одинъ арабскій писатель утверждаеть, что мечи славянской работы вывозились на продажу даже въ Византію. Не чуждо славянскимъ «кузнецамъ» было и искусство обрабатывать благородные металлы. Въ знаменитой черниговской Черной могиль, насыпанной, судя по найденнымъ въ ней византійскимъ монетамъ, никакъ не позднѣе IX вѣка, найдены два окованныхъ серебромъ турьихъ рога. Въ другой могилъ были найдены маленькіе наковальни и молоточки, двое въсовъ съ разновъсками и окованный жельзомъ ящичекъ-все предметы, которые могли быть въ употребленіи только у человъка, занимавшагося обработкой благородныхъ металловъ. Черниговскія находки съ ихъ стилизованнымъ растительнымъ орнаментомъ, съ фигурами людей и животныхъ, говорятъ о большой высотъ чеканнаго искусства. Хотя, конечно, нельзя говорить о широтъ распространенія ювелирнаго искусства --- можно утверждать только, что оно было и являлось, по всёмъ вёроятіямъ, искусствомъ избранныхъ. А такъ, въ обиходъ, напримъръ, обитателей такого жилья, какое изображено на картинъ, подълки изъ желъза были въ употребленіи

виссть съ орудіями из жамич и коспой. Жел 330, металлъ вообще дешевъ бить не могь ин той грудности, съ какой онъ добывался.

Изъ другихъ промысловь, но уже разрабаливавшихся не дома и даже не воздів дома, а треоовавнихъ по свойству своону ухода болье или менье дал ко оть «своихъ», среди славань било распространено «боришчество» — добима воска и меда отъ динихъ, льсникь ичель. Самое слово «борть» обозгачаеть выдологичне зъ деревъ дупло, которое занимали во врегароя пчели. Эти борти промышленинки ставили въ богатихъ пчелами мъстахъ, вибирая высокія кряжистыя деревья. Борть устранвали довольно высокоруководствуясь желаніся в втрудинть къ ней доступь лихому человъку, а больше гого лъсному дакомкъ-медьъдю, который самое свое прозваніе получиль от в того, что хорошо въдаль впусь меда. Собственникъ борти, какъ можно думать по поздивйшимъ намятинкамъ, сохраинвшимъ, однако, въ своихъзаписяхъ свидътельства объ очень древнихъ обычаяхъ, ставили свои зням на найденныхъ ими или заготовленныхъ ими бортихъ. Кража меда или использование борти, отмъченпой чынкъ либо знакомъ, не собственинкомъ, сдълавшимъ знакъ, по Русской Правдъ разсматривается какъ большое преступленіе.

Охота, можно сказать, была самымъ распространеннымъ на ряду съ земледълемъ промысломъ у славянъ, «Ловы дъяти», «ловити» выраженія очень старыя въ славянскомъ языкв. Повъствуя объ основателяхъ Кіева, легендарныхъ братьяхъ Кіи, Пієкъ и Хоривъ, лътонисное сказаніе замъчаетъ относительно образа ихъ янзин, что они «биху ловаще звърь». Но арабскимъ писателямъ, «скора», т.-е. шкуры дикихъ звърей, мъха, являются главнымъ предметомъ вывоза изъ страны славянъ. По синдътельству идинхъ лътонисныхъ извъстій, поляне, съверане, вятичи илатили хазарамъ дань «по объльй въвърицъ!) отъ дыма»; древляне илатили дань кіевскимъ киязъямъ «по черые куне» по черной куницъ. За ввъремъ гонялись верхомъ, въролтно, съ собаками, били его изъ руки—рогатиной, стръляли, особенно птицу, изълука, ловили сътями—тенетами, растянутыми въ опредъленныхъ мъстахъ, къ которымъ гиали звъра, оцънивъ опредъленный уча-

²⁾ Зимней бълкъ.

стокъ загонициками участинками экоты; илицу ловили при помощи особ ино иль тому пріученнихъ соколовъ и чегребовъ, чло, вирочемь, било больше потьхой, чемь охогой, и распространение получило фавинтельно въ позднее время. За какимъ звъремь фогда охогились? Да, конечно, за тъмъ же самымъ, о которомъ иниет. Мономахъ, перечислая труды и опасносси своихъ охотичьихъ подвиговъ: «въ Черниговъ, — иншетъ опъ, — связалъ я (т.-е. поймалъ арканомъ) 120 динихъ коней; по Роси также лозиль в дивихъ коней собственными руками: два тура поднимали мена на рога вивств съконемъ: олень биль меня рогами, а две лося одинъ сонталь меня погами, а другой бодаль рогами; дикій кабанъ оторваль у меня мечь отъ пояса; медвёдь вырваль у меня кусокъ сёдла нодъ коленомъ; лютый волкъ бросился на меня и повернулъ меня вывств съ конечъ ... и съ коня много надаль, голову разовль себъ дважды, случалось, что вредиль себъ руки и ноги». Если киязю такъ тяжко доставались его охотинчый трофей, то тъмъ тяжелье и опасиве быдь охотанчій промысель для простыхь людей. Охота была тогда столько же промысломъ, сколько и необходимостью-диког звърье, обильно населявшее дремучіе лъса славянской страны, норой, надо думать, положительно держало въ осадъ разбросанныя одиночныя янлища славань древиві пей поры, и ходить на охоту значило тогда предпринимать цълыя экспедицін противь звъря, безнощадно избивая его и тъмъ создавая хоть какую-инбудь безонасность для жизии около самыхъ поселеній. Важной статьей охоты были тогда еще бобры, обильными стадами засъвшіе по придивировскимъ ръкамъ и ръчкамъ и своей пунистой инкурой составлявшіе желанную добычу охотинку.

Располагаясь на жилье всегда около ръкъ и озеръ, славяне, конечно, много занимались и рыболовствомъ. (см. картину). Ловили рыбу, какъ мрежами, т.-е. сътью или неводомъ, такъ и «удками». При расконкахъ дрезнихъ городищъ и могилъ—частую находку составляють грузила для сътей и рыбын кости, находимыя съ остатками иной иници.

Одежду славань составляли ткани и шкуры дикихъ и домашнихъ животныхъ. Мужчины одъвали на поги порты изъ холста,

а на плечи рубахи; въ холодное время окутывались «кожухами» и «мъхами», на ногахъ носили лапти, сплетенные изъ липовыхъ ликь, комание сонови: вы вачествы верхныго иличыя, служный, го защитой отъ холода и непогоды, быль въ ходу илащъ-четыреугольный кусовъ кажой-либо вкани, который ванидывался на лечеплечо такъ, чнобы оставилясь свободной, головой къзлечил, изличе -His upasan pyra. Alo, m dorarbe mocho roto, ran a mimeno panamin Toptobaro gamaenia no , labapy a year, is ob copromib carma a carвянъ, создавало богатство, носили одежды болве пыниыя и богатил, какъ свидътельствують могильных чаходии. В кантійсція инчатели отивчанив, вироч мь. что славиие особой рестоины в ogengs be ordinalines. He chosans Hooronia, angestiene of chimвинахъ конна VI в., -нъкоторие изъ нихъ не птум т. висее чил, ни плаща и идуть въ битву одёвь только штаны. «Это могла бить, замьчаеть проф. М. Грушевеній, кукуя-лисо погранация TOURTHOR, a MORRETT OFFICE S.O. BERLIOCE ISSECTIRED DORE DO MIDELLE викомь, какъ виольдения. Много выловъ спуска, у жисрозущеные. По что одежды из общемь били очень просии, свидалопьствует, испосредственная запить современний - на видик, опит запите в пред-Святослява съ Ісаннома Цимисхісма, гогда Святослявь прибиль по свиданіе одбитив въ простур бълую рубеху—чого дужать рубект н порты-которые только чистотой отличались отъ одежды его спутинковъ.

Древивійшимъ оружіємъ славянъ, какъ и у всіхъ народовъ, было конье; спачала лю опли просез згостренний годь, съ облеженнымъ концомъ въ качестві острія; потомъ стали прилаживать каменныя, костяныя и металлическія острія; затімъ въ большомъ ходу быль ножь и свкира—боевой тоноръ, тоже спачала каменний, а потомъ келівлий, застисний на сращетельно длинную рукоять; лукъ со стрілами и тула — колчанъ, хранилищо запаса стрілть, докерплали просисла пастритальний оружія древивлінихъ времень: чечь -- бальной, гиприлій обоюдовограній счилаться оружі мъ, которо сравнительно подачо, лини и Х вікті, вошло въ большой обиходъ у славянъ. Въ одномъ чершительномъ куртан обиль найдень мень длиной одольн получара.

от вланий и, вырожно, пос ребраной ручкой: тамъ же были найдены и изстолько мачай болге королкихъ. Оружіемъ защинато норядка служили—броня, шеломъ и щитъ.

Византійскіе и ардоскіе инсители, дов'яствуя о восином білті овремення ха има сливива, ма общема не очень лестнаго мивнія о славянскома вооруженін. По словама Проконія, славян идутть ба сой но большей части півніе, съ небольшими щитами и коньями, баль о́роши; Маврикій и Лева діакона, говорять, что славянскіе вонна имали обтиновенно по дза короткиха конья, одно метательное, а другое боевое; дуни у ниха небольшіе съ мелкими отравленными стр'ялами; у изкоторыха бывають щити, но очень большіе и неудобиме въ ручнома бою. Арабская запись, относящимся ка IX в., также говорить, что вооруженіе славяна состоять наз метательныха дротикова, щитова и коній, по называеть также и мечи и кольчути. Курганніки находки, особенно ва курганаха, гдів погребены были люди простые, ва качествів оружія содержать конья, ножи, стр'ялы и тоноры.

Что насается вибинияго облика нанихъ предковъ славянь, то это опросъ, о которомъ много спорять до сихъ поръ. Брили-ли славянемужчины себь головы, или носили длинные подстрижениие волосы, отпускали-ли бороды, или ивть - все это очень спорные вопросы, а косвенныя свидътельства говорять и за и противъ. Трабскій инсатель Ибиъ-Хаукалъ, говорить, что у славанъ- «ибкоторые брыть бороду, пъкоторые же изъ шихъ свивають ее на подобіе громадной гривы и окранивають ее желтой или черной краской». Другой арабъ- Аль-Векри - тоже говорить, что «нные изъ руссовъ брвють бороди, другіе же изь нихъ закручивають свои бороды на подобіе кудрей». Про Святослава, описывая его свиданіе съ Цимисхіемъ, Левъ діаконъ сообщасть, что «бороду онъ имѣлъ оголенную и съ верхней губы в (одь висъди густие большіе пряди волось (усы); голова же была вся оголенная, только сверху ея въ сторону развъвалась кудря (оселедець), означающая благородпо сто происхождение... видъ лица его былъ мрачини и звърскій; въ одномъ ухів висіла золотая серьга, двумя жемчужинами украшенияя, между инми встарлень биль червчатий яхоннь». По сообщонія арабликъ инсатолей слючней, можеть биль, и не кославянь, а къ болгарамь, цанричерь. Свисславь же, всварне, нь своемъ обликъ сохраниль еще черти своего порманискаго про-ясхожденія. Остается думать, что славяне данной пори и бриль голови и бороди, и не далали этого. Что каскотся археологическихъ даннихъ, то въ большинствъ могиль находять длинию головные волосы.

Сказать что-ино́у, в опреділянное о впівшиемъ облика славят тамь трудніве, что въ пауків пе совсівмь винспень даже физическій видь древивіннихъ славянъ.

По мивийо проф. Л. Пидерле, «славяне, какъ и германи и галлы принадлежали первоначально къ одному типу дликаоголовому и съ свыслой комилексіей и что еще възгляль исторической энохи они были сходны между собой. Пыньший славянскій типъ, противоръчащій гакому представленію, надо объяснять или темъ, что славяне съ очень древинхъ временъ смънивались на востокъ съ разными, физически отличавшимися отъ нихъ азіатскими илеменами, а на юго-запада съ неизвѣстной до сихъ поръ короткоголовой и темноволосой расой средней Европы, или же твмъ, что сь теченіемъ въковъ типъ ихъ измънился вслідствіе эволюціи подъвліяніемь разныхь причинь, впутреннихь и вибиншхь. Теперь славине представляють собой илеми вполив короткоголовое и по большей части съ темпой комплексіей, т.-е. съ темными волосами и глазами». Проф. Ами разділяеть славянь по ихъ ангронологическимъ признакамъ на два основнихъ типа: 1) свътловолосий, небольного роста, къ которому онъ причисляетъ полабскихъ славянь, поляковь, былоруссовь и великоруссовь и 2) темповолосый. высокато роста, къ которому, но его мивнію, принадлежать сербокроаты, словенцы, чехи, словаки и малоруссы. Византійскіе и арабcrie uncareau VI, VII, VIII и IX вв. описывають славянь, какъ високихъ блондиновъ. Ироконій говорить, что славине очень свлыны, высокаго роста, цвътъ волосъ имфютъ ин темный, ин слишкомъ свътлый, по всъ опи рыжіе. У арабовъ славяне всетда именуются русыми. «Славяне народъ съ румянлямь цвътомь лица и руслунволосами».— говорить Абу Мансуръ. Длже своихъ за высовій рость. бідокурые волості и голубые глаза они называють въ шутку сла-вянами. По, вікроятно, эта подчеркнутая бідокурость славянть казалась таковой на араблій взглядь, но сравненію съ ихъ собственной смуглостью и темнымь волосомъ, такъ какъ археологическія находки свидітельствують, что у славянть пресбладаль темнорусый цвітть волось.

Посмотримъ теперь, какъ сложился внугрений битъ славниъ при тахъ естественныхъ условіяхъ, котория они встр'ятили на русской равнинь. Миривії, земледъльческій характеръ славанъ придаваль ихъ правамь значительную менткость; объ этомъ свицьтельствують рез писавийе о славянахъ. Славию своими правами производили выгодное внечатл'вніе; «въ нихъ ніть ин зложелательства, ни коварства. - говорить одинь византійскій инсатель, они любять свободу, не выносять ига рабства и повиновенія, соблюдають ціломудріе и исполнени мужества и протости: ч стность ихъ такова. что имъ вовее неизвъстны воровство и обманъ». Въ особенности хв: дать древийе историки гостепримство славанъ: когда къ нимъ является иностранець, они провожають его изъ одного м'вста въ долгое ил если случится, что странникъ потериитъ какую чноўдь бъту по вераданію своего хозяння, то сосьдь послідняго воорувуждется противъ исто, почитая свищениямъ долгомъ отметить за странинка. Съ илънными славине обращались кротко: илънинки че оставались у инхърдовами целий свой выкь, какъ у другихъ народовъ, но по процестви изветнаго срека вольны были или ECORPALITICA EL CROMME, ARBIHH BHEVHE, HAR OCTATICA MUTE MORLY славянами. Родителямы славяне оказывали почтеніе, заботились о нихъ въ старости.

Инсавийе о славянахъ византійцы указывають также на ихъ мужество въ бою, и умёнье примёнять въ дёлё борьбы воениля хигрости, между которыми особенно замёчателень ихъ обычай прятаться въ водё, виставлял для диханія гростинкъ: ссли же славяне сражались въ нолё, то окружали себя упрёна ніемъ изъ телёгъ, ставя внутри женщинъ и дётей. Но они чъб згали виходить на бой въ отпалтое поле: природа ихъ страны да-

зала имъ уже достаточный оплоть противь враговъ. Такъ какъ седенія ихъ вседа лежали при ръкахъ, — «которыя такъ часты, что между инми и остается значительнаго престранства» — то идущіе на инхъ войною принуждены бывали останавливаться у самаго предъла ихъ страны; между тъмъ славяне, почуявъ приближеніе враговъ, миновенно укрывались оть панаденія. Съ другой стороны, мирный земле дъльческій бытъ славянъ мещаль имъ обратиться въ завосьателей. Отмъчають византійскіе историки и частые раздоры среди славянскихъ илеменъ: «между шими, говорить одинъ писатель, госполствовали постоянно различния мижнія; ин въ чемъ они не были между собой согласны; если один въ чемъ-пибудь согласятся. то другіе тотчасъ же парушають ихъ рѣшеніе, потому что всѣ интають другь къ другу вражду и ни одинъ но хочеть новиноваться другому».

Далеко не такъ синсходителенъ былъ къ правамъ древнихъ славянь русскій Автонисець: какъ христіанинъ и монахъ, онь съ омерзеніемъ смотрѣль на все, что напоминало объ язычествѣ. Только о польшахъ отвывается опъ благосклонно, говорг, что опи имъли обычан кроткіе и тихіе, были стыдливы передъ спохами и сестрами, матерями и отцами, свепровами и деверьями, имъли брачный обычай. Правы другихъ славянскихъ илемень легонись изображаеть, напротивь, мрачными чертами: древляне жили «по-скотски», убивали другь друга, фли все нечистое, и, вмъсто брака, похищали дівнит; радимичи, вятичи и сіверяне имісли одинаковий обычай — жили въ лъсу, какъ звъри, фли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ спохами; браковъ у нихъ также не было, по происходили игрища между селами, гдв молодые люди, стоворившись съ діввидами, похищали ихъ; держали по двіз и но три жени; сели кто умреть, гворили надъ инмъ тризну, сожигали трупъ и, собравии кости, складывали ихъ въ малый сосудъ, костолив (курганв); на распутын. торый ставили въ

2882

Plym Ball IVIIII

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставить себ'в задачей дать рядь изображеній характеривінних моментовь культурной жизни Россіи, опред'єляющихь ея историческое развитіе и очерчивающихь ея прошлый быть, какъ его можно себ'в представить на основаніи намятниковь прошлаго и научныхь изслівдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято д'ялить на четыре большихъ періода: І. Кіевская Русь; Н. Суздальская Русь; ПІ. Московская Русь; ІV.

Всероссійская Русь.

Важивиними уроками въ изложении перваго періода можно считать разсказы: о славянахъ, предкахъ русскаю народа, объ ихъ торювлъ, о по-явлении варяювъ и объ ихъ значении въ создании славяно-русской государственности, о началъ христіанства на Руси, о судъ, объ управлении въчевомъ и княжескомъ въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвътствующия темы въ предлагаемомъ издании и ставятъ себъ цълью дать живописное художественное изображение указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болье всего останавливается на вившиемъ фактъ татарскаго нашествія, приведшаго въ конць-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскоръ завоеванной Литвой, и на установленіи на съверо-востокъ удъльнаго строя государственной жизни. На эти

темы даются двъ картины: "Баскаки" и "Дворъ удъльнию князя".

Картины, освъщающія быть Московскаго государства, можно раздълить на четыре большихъ группы. Первая имфетъ задачей показать въ художественномъ изображенін государственную власть тіхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленін. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группъ картинъ относятся тъ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важифинихъ отдъльныхъ слоевъ общества тъхъ временъ въ ихъ отношении къ государству, въ ихъ "службъ" государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имветъ задачей иллюстрировать тв стороны жизни, которыя въ общежитін преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23 —25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляють двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ техъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основанін Московское государство, но наиболье ярко за все время его существованія опреділили, чіть опо жило, какой характеръ устои его жизни имфли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, "Смута" и "Расколь церкви". Картина 26 и 27 дають характерную сцену изъ исторін смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времсни. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложгость и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—петорическая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому принілось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болье вивиняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имъя въ виду пллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-но-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данцой эпохи, какъ обобицающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатъ положнвшихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской держави, рисуютъ

картины, которыя очерчивають главивнийя изъ реформъ, дають изображеніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указываютъ на пріемы реформатора въ его дъятельности. (См. картины 28-35.)

Времени насл'ядинковъ Петра Великаго, характеризуемаго обыкновенно какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаворитовъ при дворъ,

посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): "Выходъ императрицы Екатерины II", "Въ лагеръ Екатерининскихъ солдатъ", "Дво-рянское собрание при Екатеринъ II", "Въ кръпостной деревнъ конца XVIII 6.".

Картина (42) "Вахиппарадъ империтора Пасла І" характеризуетъ это

сумрачное царствование съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредъляющее вившнее событіе того времени—1812 г., рисуя разореніе Москвы французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену изъ жизни военныхь поселеній (44); третья (45), "Декабристы", даетъ изображение изъ истории протеста противъ гнета

аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія нам'вчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46 — "Ученье рекруть въ Николаевское время".) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слъдствіемъ установившагося режима и господства кръпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благод втельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая "Городъ Николаевскихъ временъ", пытается дать вн-шнее изображение жизни русскаго обывателя тъхъ временъ, а картина "Балъ въ Москвъ 30-хъ 10довъ" (48) рисуетъ тъ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогданней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будеть то пробуждение мысли и стремленіе къ жизни и свъту, котораго инчто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинъ, расцевтъ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвъ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда грем'вли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетъ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту телу и отвъчаетъ картина (49) "Люди 40-ав юдовъ".

Картина (50), относящаяся къ моменту освобожденія крестьянь, завер-

шаетъ собой: пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряжение преподавателя русской исторіи поступають, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развити жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всёхъ принимавшихъ участіе въ создаціи самыхъ картинъ было, чтобы онъ сослужили свою добрую службу русской школъ, изученю прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни нечально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-конповъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свътлому будущему, върно понять и оцънить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кром'я этой серін, нами нам'ячено изданіе ряда картинъ, которыя изображають важнъйшіе моменты русской исторіи въ ся связи со виъшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе 1494 русской державы.

T-BO CKOPOTIES, A. A. MEBEHCOHTH, MOCKEA,

APTIME ECOPIN

ИЗДАННЫЯ ПОДЬ ОБЩЕЙ РЕДЛКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМ В ТЕКСТОМЪ

C.A.KH936KOBA

OSBACHUTEABHBU TEKCTB
KB KAPTUHB Nº

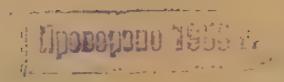
TOUR TOUR TOUR THE TOUR THE TOUR TOUR TOUR TOUR TOUR THE TOUR THE

MOCKEA,

M3AAMEIKHEEEAb.

1912.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесять художественно исполненных картинь въ краскахъ, размъромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодієвымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Съровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный тексть, планъ и общая редакція С. А. Князькова.

50 картинъ по подпискъ по 90 к.

50 картинъ, накл. на кожаной бумагъ, по 1 р. 05 к.

50 картинъ на полотнъ до 1 р. 45 к.

Каждая картина отдъльно 1 р. 10 к.

Каждая картина отдъльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.

. Каждая картина отдъльно, наклеен. на полотнъ, 1 р. 65 к.

Объяснительный тексть къ каждой картинъ по 10 к.

І. Кіевская Русь.

- 1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
- 2. Торговия у восточныхъ славянъ С. В. Иванова:
- 3. Варяги В. М.: Васнецова.
- 4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
- 5: Судъ во вреня Русской Правды И. Я. Билибина:
- 6. Въче А: М: Васнецова.
- 7. Съвздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

- 8. Новгородскій торгь А: М. Васнецова:
- 9: Баскаки С. И: Иванова:
- 10. Дворъ удъльнаго килэя А. М. Васнецова:

III. Московская Русь.

- 11. Великій государь, царь и самодержець всея Руси С: В: Иванова:
- 12. Святьйшій патріархь С. В. Иванова;
- 13: Боярская дума С. В. Иванова:
- 14: Земскій Соборъ С. В. Иванова.
- 15. Въ приказъ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
- 16. Судъ въ Московскомъ государствъ С. В. Иванова.
- 17. Воевода С. В. Иванова;
- 18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
- 19: На сторожевой граница Московскаго государства С. В. Иванова:
- 20. Стръльцы С. В. Иванова.
- 21: Юрьевъ день С. В. Иванова:
- 22: Площадь въ городъ Московскаго времени А. М: Васнецова:
- 23. Монастырь въ Московской Руси А: М. Васнецова.
- 24: Школа въ Московской Руси Б. М. Нустодіева:
- 25. Въ горницъ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М: Васнецова:

- 26. Въ смутное время С. В. Иванова.
- 27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

- 28. Въ немецкой слободъ А. Н. Бенуа:
- 29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Нардовскаго.
- 30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
- 31: Засъданіе Сената Петровскаго времени Д: Н. Кар-довскаго:
- 32: Петербургъ при Петръ Великомъ А: Н. Бенуа:
- 33. Смотръ новиковъ Д. Н. Нардовскаго.
- 34. Гулянье въ Лътнемъ саду при Петръ Великомъ А. Н. Бенуа.
- 35. Петръ Великій В. А. Строва.
- 36. Императрица Анна и ея пворъ Д., Н. Нардовскаго.
- 37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ
  25 ноября 1741 г. Е. Е: Лансере:
- 38: Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа:
- 39. Въ лагеръ Екатерининск, солдатъ А: Н. Бенуа.
- 40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
- 41. Утро помещина нонца XVIII, нач. XIX в. А. Н.
- 42. Вахтпарадъ при императоръ Павяъ А: Н. Бенуа.
- 43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Нардон-снаго.
- 44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
- 45. Оборона Севастополя Д: Н: Кардовскаго...
- 46. Ученіе солдать въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
- 47. Городъ въ Николазвскія времена М. В. Добу-
- 48. Балъ въ Москвъ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовского.
- 49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
- 50. Освобождение крестьянъ Б. М. Нустодіева.

Нартины по русской исторіи.

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

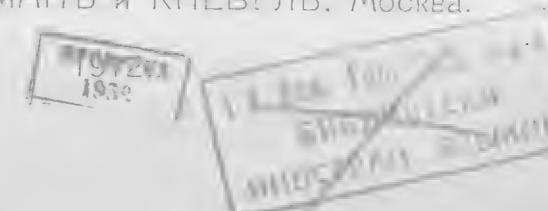
къ картинѣ № 1.

С. В. Ивановъ. Жилье восточныхъ славянъ.

Издані ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

The Eleganical A.A. Shesencords

1912.

Жилье восточныхъ славянъ.

Передъ нами изображение житейской сцены около одного изъ городинда жилитвъ въ страка восочискъ славана. Ва VIII, IX вв. и долго после такія жилитва то въ одиночку, то большими группати усыпстве Придныровье, приражил части съведнаю конца великато водирго пути. на востокъ иј биједись до верхией Оки. а на зана съ é дета были разулиания по бер гам в Запалной Двинс и оя востояных воприговать, формиль ахимуть двей сохранились сот-HEMMI OCHREKH OFHELD MERLPHOSD. DB BRID 60. B. HOR MORES OTHET. RIPO ванізаних валовь. То кольнеооразный форми, то оваличый, різлеугольной -эти вали споятивають обыкновенно очень чесольные пространство, приблизилельно по разиврань свенув могущее вувсинь больной крестьянскій дь рь. Что сти чалы очень з вишто принектемний свиделельствують разебливые по состделку сь ими . Зревны -- дровнія могильный пасвіні. Пвельдовніе горедиць. распонки кургановъ, свидътельства современингогъ иностранцевъпозводноть камъ составить себъ довольно опрадъление представленіе о жизни и быть от гленилх вишихъ предповъ, обитавнихъ въ стихъ жильяхъ, обиссенныхъ землиными валами, можетъ быть. ипогда укръндениями еще частоколомъ изъ вридахъ стойми въ землю и заостренныхъ сверху толстыхъ бревенъ.

Жили славине этой пори своего историческаго существованія оольшими семьями, свизанными одна сь другой породсезу, но въ кругь этихъ родственнихъ сомей, какъ можно думять, принимали и чужнув, и тогда такой чужой, принедшій вы одиночку, или со своей семьей, считался какъ бы роднымъ, «своимъ» и долженъ быль одинаково со всеми двлить горе к радость, выгоды и невзгоды

совтастной жизии. Самий старшій годами, или вообще наибодуразумный и опытицій, признавался вебми за начальника, биль старшиной, отцомъ всей групны семей, которыхъ якізнь и обстоятельства объединили для совм'встнаго существованія. Жить приходилось, в'єдь, въ краю глухомъ и л'єсистомъ, среди всякихъ опасностей и отъ дикаго зв'єря и отъ «чукого» челов'єка, готоваго ноживиться не имъ заработаннымъ и не имъ собраннымъ добромъ. Миоголюдство семьи служило ручательствомъ за сравнительную безонасность. Общими усиліями легче можно было отбиться и отъ дикаго зв'єрья и отъ лихихъ людей. Общими усиліями легче давалась и обработка земли и охота.

Гдв-инбудь у онушки большого лъса, которому ин конца ин краю не было въдомо, неподалеку отъ ръзи или большого озера располагались жилья такихъ большихъ семей древнихъ славянъ. По сравненію съ укладомъ жизни большихъ семей, сохранившихся еще кое-гда и теперь — у черногорцева и герцеговищева напр., можно представить себь устройство жизни и нашихъ предковъ. Въ одномъ жильф большая сечья, состоявшая изъ дващати, тридцати, а то и иятидесяти и даже больше головъ, конечно, номъститься не могла. Можно думать, что у кандой семейной пары, входившей въ составъ большой семьи, било свое отдельное жилье. Жилье побольше, обнесенное землянымъ валомъ, служило жилищемъ старинись. Эдьсь внутри вала, или возль него. у входа собирались взреслые мужчини, отцы отдъльныхъ семей для совъщаній объ общихъ дълахъ и предпріятіяхъ. Въ студеную зимнюю пору въ жилиць старшины всегда горить отонь въ прочномъ очагь, и каждый членъ большой семьи можеть прійти сюда изъ своего, на живую интку сметаннаго, жилища пограться, потолковать со старинной, поучиться у него уму-разуму, послушать его разсказы и повъствованія о далекомъ прошломъ, о томъ времени, когда только зачиналась сама большая семья.

Жилья отдельных семействъ разбрасывались въ безпорядке неподалеку отъ жилья старинии. Всякій ставиль свое жилье тамъ, где ему это казалось удобите, окрумая его тоже землянымъ валомъ какъ для тенда, такъ и въ цёляхъ безонасности. Самыя

жилица славина того промени, кина можно дучить, презеданиями изъ себя сооружения на реда пиалищей, сгороженныхъ изъ жердей и описихъ бревев, сколоченныхъ деревлинична гвоздани и сиръмами, связаниямъ диками, сврънденныхъ сполото и обложенныхъ хиолостемъ и дерность. Крънна поддерживалась столотов, воличнавничеся поср цить жилья. Внутри «лаилитва» ислодился очать, истопка; отсюда иј изопило и наше слово изба энстба жилье съ нетопка; отсюда иј изопило и наше слово изба энстба жилье съ нетопка;. Иль домящисй обстановии въ такомъ жильъ, промѣ нечи, которая была, напърнет, боль груби, имълнев «лавы» дасни и столъ. Столъ, какъ думають, въ современномъ его значении, т.-с. мебели, почти песдингающейся съ мъста, впработался довольно ноздно, и столомъ называли тогда инякую подставку, одинаково годиую и для того, чтоби ставить на нео шицу, и для того, чтоби сидъть на ней: низкія давы были нокрыты «коврами. т. с., въроятно, просто шкурами звѣрей, трофеями охоты.

Главнымъ запытіемъ славянъ были земледьліе и охота. Драбскіе инсатели разсказывають, что у славинь хлёбь составляль главную ихъ инир, и особенно любили они просо, что отмъчаютъ также и греческіе авторы. Но словамъ Константина Багрянороднаго, хлъбъ и месо били обычнымь жертвоприношемъ, а слъдовательно и обычной инцей, нотому что у всіхуь народовъ издавна велось-приносить въ жертву богамъ то, чемъ сами интаются, выбирая лучшее. Еврейскій путешественникь Х в. Ибик-Якубъ отмівчаеть, что земля славянь обильна всякаго рода жизненными принасами, что славяне народъ хозяйственный и занимаются земледъліемъ усердиве, чъмъ какой-либо другой народъ. И наши л'этоинсныя сказанія сохранили черты, рисующія славань какъ земледъльцевъ. «Всь ишии городи... дълають инын своя и вемлю свою»--товорить Ольга древлинамъ. Археологическія находин виолиз подтверждають эти записи. Вы могилахъ страны полянъ, дрезлянъ. свверянь и другихь илемень находять жельзные сърни и зерна рки, ичмени, овеа, ишеницы. Надо думать, правла, основываясь на данныхъ XI в., что извъстны были славянамъ еще: горохъ, лень, макь; изъ вемледьльческихь орудій-письменные памятники знають рало или соху, илугь, борону, мотыку, цтить. Вятичи илятили,

напричтръ, дапь дазарамь опо прадпу отъ рала». Идуали лопадами, вольми. Суда по археологическимъ находкамъ костановълошада били поважных, малорослия и слабыя. Не чуждо било древинить славящамъ нахуть и людьми-и тогда эту тызелую полиность справляли рабы и женщины. На картина, къ лакой отъ крытеля часть, и изображена такая нахога, Соха предсидвлена изъсебя подобранный удобио по сво му истривлению сукъ или сороевище, круго обожжение тамъ, гдъ соха нашихъ временъ имъсть соништи. Тапос орудіє, консчио, сле нарапало землю. По ми и на должны думать, что сельское хозяйство тыхъ временъ по свойыть прісмамъ и орудіямъ стояло на очень высокой степени развитіл. Скотоводство тоже съ давнихъ поръ было одинаъ наъ запялій славянь, и археологическія данныя остатки костей доманийль ланвотныхъ-лонадей, овецъ, свиней, воловъ, козъ --свидътельствуютъ объ этомь. Остатки итичьихъ костей-между прочимъ, курь, и янчная скорлуна — позволяють говорить даже о итицеводства у древинхъ славянъ. Заинси арабскихъ и византійскихъ писателей, говорившихъ о жертвоприношении у славянъ, упоминаютъ быковъ, собявъ, ивтуховъ, овецъ и твмъ совнадаютъ съ данными археологін. Что скотоводство было вообще широко распространено, указывають свидътельства, говорящія о широкомъ употребленій мисной шици, матеріяль для которой доставляла и охота. (См. на картинъ фигуру славянина, несущиго на илечахъ убитую имъ на охотъ косуль). Мясо вли не только воловье и овечье, но и конское, какъ о томъ свидътельствуеть льтописное преданіе при характеристикь образа живин Святослава, который не любиль возить за собой въ походъ большіе обозы съ провіантомъ, «возъ по собъ не возяще, ни котьла. ин мясъ варя, но по тонку изръзавъ конину ли. звърину ли или говядину, на углехъ ненекъ, ядине». Брунцый скотъ воловъ и лошадей — славяне юга пріобрітали з своихъ степныхъ сосівдей, какъ о томъ разсказываеть Константинъ Багрянородный. Скотъ разводили и держали славяне не только ради мяса, но и для молочныхъ продуктовъ. Такія слова, какъ млеко, сыръ, творогъ. маедо очень древняго происхожденія, такъ же, какъ слова «руп» и «вълна» (волна), обозначавнія персть, и свидітельствующія, слівдовательно, о томъ, что славяне умѣли стричь овецъ и изготовлять родъ шерстяныхъ тканей.

Въ раскопкахъ древнихъмогилъ въ странъ съверянъ, полянъ и достинь и тур паходку с ставлить остина пермины инфік. нольно вактору то илили, англи, сленаю узорны и грасия. Пригла т.-е. каменные кружки отъ верстенъ, надъвавниеся на деревянную палочку для размаха при вращении-очень часто попадаются въ древнихъ могилахъ. Встръчаются часто слъды и остатки кожаной обуын роздичных в сестомы, куски и орагулаги ременимал поясовь, команых в мане цовь, судокы: получей выйз и совсым итавинія пучи шеретиннув осталють, общье одинь, гудуновы п панокъ, а можетъ быть и трубихъ коврељь. Бахоный и полиши для стрижки овецъ. По записямъ летониси, очень случайнымъ, правда, видии, что колу мали руками (Правда-Могачина), а пли обработки ея-дубленья - употребляли особый составъ--«квасъ усиянъ». Въ разсказѣ о походѣ Олега на Царырадъ отчетливо противоноставляются греческій тазин---«паволови н «кронии). славянскимъ тканямъ--«толъстинамъ».

Сосуды и разные предметы доманняго обихода, имъвние, такъ сказать, кухонное назначеніе, славяне изготовляли изъ дерева и изв глицы. Глининые сосуды чаготовлились спачала безь помолии гончарнаго круга, а просто руками, по потомъ, и тоже еще въ очень древною пору, вы унотребление волель и гончарный кругь. При расконкахъ ослатки глининой посуды въ вида большихъ и малыхъ черенковъ, а то и въ цёльномъ видъ-самая частая и самая обильная находка. (См. на картинь хароктерии образци древней гливной посуды). Расковые дають очень много отгаковъ различнато рода подълокъ изъ дерева. Кром в гробовъ, вирочемъ относищихся вы массы вы тымь временамъ, когда среди сл.вянь стало въ ходу христіанское погребеніе, чаще всего встрівчаются остатки деревянныхъ ведеръ съ желъзными обручами к дужками. О процектанін древодівльнаго промысла среди славанъжителей глухихъ лъсовъ, много говорять и инсьменные намятиния. повъствующие о томъ, какъ славине дълали челны и лодки такой. величины и прочности, что эти суда выдерынвали далекое и опасное

морское путешествіе къ визмитійскимь берегамъ. Умьли славин: Ділть телли, сапи—все это слова, которыя встрочаются висамихъ ранинуъ намятникауъ палей письменности, а перечисленіе извъсленыхъ славнамъ древодбльнихъ инструментовъ служить свиди-тельствомъ, что ихъ не путали довольно сложныя и громоздкія илотничныя работы.

Събработна металловъ тоже была короню извъсти: славникиъ. «Ковачь» и «повать» очень старыя слова въ изыкъ сдавинь. Какъ и «же-.1630», «мідь», «одово», «руда», «злато», «сребро». Архологическія находки только подтверждають сравнительно высокое развите техники но металлу у слаганъ. Въ древлянскихъ могилахъ особенно части какъ находин обработаннаго металла, такъ и слъды самой работы. Здъсь находять остатки перегоравшаго железа изъторновъ, больше молоты, наковальни, большіе, грубо викованные жельзные гвозди, чожный, огинва. Доставали жел/взо, пользуясь болотной рудой, а какихъ високихъ результатовъ достигала обработка, свидътельствують находимые остатки и цълые предметы вооруженія-мечи, конья, окованные жельзомъ деревянные щиты, илемы, кольчуги. Одинъ арабскій писатель утверждаеть, что мечи славянской работи вывозились на продажу даже въ Византію. Не чуждо славянскимъ «кузнецамъ» било и искусство обрабативать благородино металлы. Въ знаменитой черниговской Черной могиль, насынанной, судя по найденнымъ въ ней византійскимъ монетамъ, инкакъ не поздите IX въка, найдены два окованныхъ серебромъ турьихъ рога. Въ другой могиль были найдены маленькіе наковальни и молоточки, двое въсовъ съ разновъсками и окованный жел взомъ ящичекъ-все предметы, которые могли быть въ употреблении только у человька, запимавшагося обработкой благородныхъ металловъ. Черинговскія находки съ ихъ стилизованнымъ растительнымъ орнаментомъ, съ фигурами людей и животныхъ, говорять о больной высотв чеканнаго искусства. Хотя, конечно, нельзя говорить о инфотъ распространенія ювелирнаго испусства -можно утверждать только, что оно было и являлось, но всемъ вкроятіямь, искусствомъ избранныхъ. А такъ, въ обиходъ, напримъръ, обитателей такого жилья, какое чзображено на картинь, подвлян изъ желфза были въ унотреблении

виссть съ орудіями из жамич и коспой. Жел 330, металлъ вообще дешевъ бить не могь ин той грудности, съ какой онъ добывался.

Изъ другихъ промысловь, но уже разрабаливавшихся не дома и даже не воздів дома, а треоовавнихъ по свойству своону ухода болье или менье дал ко оть «своихъ», среди славань било распространено «боришчество» — добима воска и меда отъ динихъ, льсникь ичель. Самое слово «борть» обозгачаеть выдологичне зъ деревъ дупло, которое занимали во врегароя пчели. Эти борти промышленинки ставили въ богатихъ пчелами мъстахъ, вибирая высокія кряжистыя деревья. Борть устранвали довольно высокоруководствуясь желаніся в втрудинть къ ней доступь лихому человъку, а больше гого лъсному дакомкъ-медьъдю, который самое свое прозваніе получиль от в того, что хорошо въдаль впусь меда. Собственникъ борти, какъ можно думать по поздивйшимъ намятинкамъ, сохраинвшимъ, однако, въ своихъзаписяхъ свидътельства объ очень древнихъ обычаяхъ, ставили свои зням на найденныхъ ими или заготовленныхъ ими бортихъ. Кража меда или использование борти, отмъченпой чынкъ либо знакомъ, не собственинкомъ, сдълавшимъ знакъ, по Русской Правдъ разсматривается какъ большое преступленіе.

Охота, можно сказать, была самымъ распространеннымъ на ряду съ земледълемъ промысломъ у славянъ, «Ловы дъяти», «ловити» выраженія очень старыя въ славянскомъ языкв. Повъствуя объ основателяхъ Кіева, легендарныхъ братьяхъ Кіи, Пієкъ и Хоривъ, лътонисное сказаніе замъчаетъ относительно образа ихъ янзин, что они «биху ловаще звърь». Но арабскимъ писателямъ, «скора», т.-е. шкуры дикихъ звърей, мъха, являются главнымъ предметомъ вывоза изъ страны славянъ. По синдътельству идинхъ лътонисныхъ извъстій, поляне, съверане, вятичи илатили хазарамъ дань «по объльй въвърицъ!) отъ дыма»; древляне илатили дань кіевскимъ киязъямъ «по черые куне» по черной куницъ. За ввъремъ гонялись верхомъ, въролтно, съ собаками, били его изъ руки—рогатиной, стръляли, особенно птицу, изълука, ловили сътями—тенетами, растянутыми въ опредъленныхъ мъстахъ, къ которымъ гиали звъра, оцънивъ опредъленный уча-

²⁾ Зимней бълкъ.

стокъ загонициками участинками экоты; илицу ловили при помощи особ ино иль тому пріученнихъ соколовъ и чегребовъ, чло, вирочемь, било больше потьхой, чемь охогой, и распространение получило фавинтельно въ позднее время. За какимъ звъремь фогда охогились? Да, конечно, за тъмъ же самымъ, о которомъ иниет. Мономахъ, перечислая труды и опасносси своихъ охотичьихъ подвиговъ: «въ Черниговъ, — иншетъ опъ, — связалъ я (т.-е. поймалъ арканомъ) 120 динихъ коней; по Роси также лозиль в дивихъ коней собственными руками: два тура поднимали мена на рога вивств съконемъ: олень биль меня рогами, а две лося одинъ сонталь меня погами, а другой бодаль рогами; дикій кабанъ оторваль у меня мечь отъ пояса; медвёдь вырваль у меня кусокъ сёдла нодъ коленомъ; лютый волкъ бросился на меня и повернулъ меня вывств съ конечъ ... и съ коня много надаль, голову разовль себъ дважды, случалось, что вредиль себъ руки и ноги». Если киязю такъ тяжко доставались его охотинчый трофей, то тъмъ тяжелье и опасиве быдь охотанчій промысель для простыхь людей. Охота была тогда столько же промысломъ, сколько и необходимостью-диког звърье, обильно населявшее дремучіе лъса славянской страны, норой, надо думать, положительно держало въ осадъ разбросанныя одиночныя янлища славань древиві пей поры, и ходить на охоту значило тогда предпринимать цълыя экспедицін противь звъря, безнощадно избивая его и тъмъ создавая хоть какую-инбудь безонасность для жизии около самыхъ поселеній. Важной статьей охоты были тогда еще бобры, обильными стадами засъвшіе по придивировскимъ ръкамъ и ръчкамъ и своей пунистой инкурой составлявшіе желанную добычу охотинку.

Располагаясь на жилье всегда около ръкъ и озеръ, славяне, конечно, много занимались и рыболовствомъ. (см. картину). Ловили рыбу, какъ мрежами, т.-е. сътью или неводомъ, такъ и «удками». При расконкахъ дрезнихъ городищъ и могилъ—частую находку составляють грузила для сътей и рыбын кости, находимыя съ остатками иной иници.

Одежду славань составляли ткани и шкуры дикихъ и домашнихъ животныхъ. Мужчины одъвали на поги порты изъ холета,

а на плечи рубахи; въ холодное время окутывались «кожухами» и «мъхами», на ногахъ носили лапти, сплетенные изъ липовыхъ ликь, комание сонови: вы вачествы верхныго иличыя, служный, го защитой отъ холода и непогоды, быль въ ходу илащъ-четыреугольный кусовъ кажой-либо вкани, который ванидывался на лечеплечо такъ, чнобы оставилясь свободной, головой къзлечил, изличе -His upasan pyra. Alo, m dorarbe mocho roto, ran a mimeno panamio Toplobaro gamaenia no , labapy a year, is ob copromib carma a carвянъ, создавало богатство, носили одежды болве пыниыя и богатил, какъ свидътельствують могильных чаходии. В кантійсція инчатели отивчанив, вироч мь. что славиие особой рестоины в ogengs be ordinalines. He chosans Hooronia, angestiene of chimвинахъ конна VI в., -нъкоторие изъ нихъ не птум т. висее чил, ни плаща и идуть въ битву одёвь только штаны. «Это могла бить, замьчаеть проф. М. Грушевеній, кукуя-лисо погранация TOURTHOR, a MORRETT OFFICE S.O. BERLIOCE ISSECTIRED DORE DO MIDELLE викомь, какъ виольдения. Много выловъ спуска, у жисрозущеные. По что одежды из общемь били очень просии, свидалопьствует, испосредственная запить современний - на видик, опит запите в пред-Святослява съ Ісаннома Цимисхісма, гогда Святослявь прибиль по свиданіе одбитив въ простур бълую рубеху—чого дужать рубект н порты-которые только чистотой отличались отъ одежды его спутинковъ.

Древивійшимъ оружіемъ славянъ, какъ и у всёхъ народовъ, было конье; спачала лю биль просее заостронний поль, съ обестженнымъ концомъ въ качествъ острія; потомъ стали прилаживать каменныя, костяныя и металлическія острія; затьмъ въ большомъ ходу быль ножъ и съкира—боевой тоноръ, тоже сначала каменний, а потомъ жельзиній, ласожисний на сраще-тельно длиниую рукоять; лукъ со стрѣлами и тула — колчанъ, хранилищо запаса стръть, довершали арсеналь паступальнаю оружія древньйшихъ времень: чечъ «большой, лицилий обоюдое острый считлется оружіемъ, которо сранитольно послю, лицили Х въкъ, вошло въ большой обиходъ у славянъ. Въ одномъ чершиголекомъ курган, быль пайденъ меть запасй обили получара

от вланий и, вырожно, пос ребраной ручкой: тамъ же были найдены и изстолько мачай болге королкихъ. Оружіемъ защинато норядка служили—броня, шеломъ и щитъ.

Византійскіе и ардоскіе инсители, дов'яствуя о восином білті овремення ха има сливива, ма общема не очень лестнаго мивнія о славянскома вооруженін. По словама Проконія, славян идутть ба сой но большей части півніе, съ небольшими щитами и коньями, баль о́роши; Маврикій и Лева діакона, говорять, что славянскіе вонна имали обтиновенно по дза короткиха конья, одно метательное, а другое боевое; дуни у ниха небольшіе съ мелкими отравленными стр'ялами; у изкоторыха бывають щити, но очень большіе и неудобиме въ ручнома бою. Арабская запись, относящимся ка IX в., также говорить, что вооруженіе славяна состоять наз метательныха дротикова, щитова и коній, по называеть также и мечи и кольчути. Курганніки находки, особенно ва курганаха, гдів погребены были люди простые, ва качествів оружія содержать конья, ножи, стр'ялы и тоноры.

Что насается вибинияго облика нанихъ предковъ славянь, то это опросъ, о которомъ много спорять до сихъ поръ. Брили-ли славянемужчины себь головы, или носили длинные подстрижениие волосы, отпускали-ли бороды, или ивть - все это очень спорные вопросы, а косвенныя свидътельства говорять и за и противъ. Трабскій инсатель Ибиъ-Хаукалъ, говорить, что у славанъ- «ибкоторые брыть бороду, пъкоторые же изъ шихъ свивають ее на подобіе громадной гривы и окранивають ее желтой или черной краской». Другой арабъ- Аль-Векри - тоже говорить, что «нные изъ руссовъ брвють бороди, другіе же изь нихъ закручивають свои бороды на подобіе кудрей». Про Святослава, описывая его свиданіе съ Цимисхіемъ, Левъ діаконъ сообщасть, что «бороду онъ имѣлъ оголенную и съ верхней губы в (одь висъди густие большіе пряди волось (усы); голова же была вся оголенная, только сверху ея въ сторону развъвалась кудря (оселедець), означающая благородпо сто происхождение... видъ лица его былъ мрачини и звърскій; въ одномъ ухів висіла золотая серьга, двумя жемчужинами украшенияя, между инми встарлень биль червчатий яхоннь». По сообщонія арабликъ инсатолей слючней, можеть биль, и не кославянь, а къ болгарамь, цанричерь. Свисславь же, всварне, нь своемъ обликъ сохраниль еще черти своего порманискаго про-ясхожденія. Остается думать, что славяне данной пори и бриль голови и бороди, и не далали этого. Что каскотся археологическихъ даннихъ, то въ большинствъ могиль находять длинию головные волосы.

Сказать что-ино́у, в опреділянное о впівшиемъ облика славят тамь трудніве, что въ пауків пе совсівмь винспень даже физическій видь древивіннихъ славянъ.

По мивийо проф. Л. Пидерле, «славяне, какъ и германи и галлы принадлежали первоначально къ одному типу дликаоголовому и съ свыслой комилексіей и что еще възгляль исторической энохи они были сходны между собой. Пыньший славянскій типъ, противоръчащій гакому представленію, надо объяснять или темъ, что славяне съ очень древинхъ временъ смънивались на востокъ съ разными, физически отличавшимися отъ нихъ азіатскими илеменами, а на юго-запада съ неизвѣстной до сихъ поръ короткоголовой и темноволосой расой средней Европы, или же твмъ, что сь теченіемъ въковъ типъ ихъ измънился вслідствіе эволюціи подъвліяніемь разныхь причинь, впутреннихь и вибиншхь. Теперь славине представляють собой илеми вполив короткоголовое и по большей части съ темпой комплексіей, т.-е. съ темными волосами и глазами». Проф. Ами разділяеть славянь по ихъ ангронологическимъ признакамъ на два основнихъ типа: 1) свътловолосий, небольного роста, къ которому онъ причисляетъ полабскихъ славянь, поляковь, былоруссовь и великоруссовь и 2) темповолосый. высокато роста, къ которому, но его мивнію, принадлежать сербокроаты, словенцы, чехи, словаки и малоруссы. Византійскіе и арабcrie uncareau VI, VII, VIII и IX вв. описывають славянь, какъ високихъ блондиновъ. Ироконій говорить, что славине очень свлыны, высокаго роста, цвътъ волосъ имфютъ ин темный, ин слишкомъ свътлый, по всъ опи рыжіе. У арабовъ славяне всетда именуются русыми. «Славяне народъ съ румянлять цвътомъ лица и руслунволосами».— говорить Абу Мансуръ. Длже своихъ за высовій рость. бідокурые волості и голубые глаза они называють въ шутку сла-вянами. По, вікроятно, эта подчеркнутая бідокурость славянть казалась таковой на араблій взглядь, но сравненію съ ихъ собственной смуглостью и темнымь волосомъ, такъ какъ археологическія находки свидітельствують, что у славянть пресбладаль темнорусый цвітть волось.

Посмотримъ теперь, какъ сложился внугрений битъ славниъ при тахъ естественныхъ условіяхъ, котория они встр'ятили на русской равнинь. Миривії, земледъльческій характеръ славанъ придаваль ихъ правамь значительную менткость; объ этомъ свицьтельствують рез писавийе о славянахъ. Славию своими правами производили выгодное внечатл'вніе; «въ нихъ ніть ин зложелательства, ни коварства. - говорить одинь византійскій инсатель, они любять свободу, не выносять ига рабства и повиновенія, соблюдають ціломудріе и исполнени мужества и протости: ч стность ихъ такова. что имъ вовее неизвъстны воровство и обманъ». Въ особенности хв: дать древийе историки гостепримство славанъ: когда къ нимъ является иностранець, они провожають его изъ одного м'вста въ долгое ил если случится, что странникъ потериитъ какую чноўдь бъту по вераданію своего хозяння, то сосьдь послідняго воорувуждется противъ исто, почитая свищениямъ долгомъ отметить за странинка. Съ илънными славине обращались кротко: илънинки че оставались у инхърдовами целий свой выкь, какъ у другихъ народовъ, но по процестви изветнаго срека вольны были или ECORPALITICA EL CROMME, ARBIHH BHEVHE, HAR OCTATICA MUTE MORLY славянами. Родителямы славяне оказывали почтеніе, заботились о нихъ въ старости.

Инсавийе о славянахъ византійцы указывають также на ихъ мужество въ бою, и умёнье примёнять въ дёлё борьбы воениля хигрости, между которыми особенно замёчателень ихъ обычай прятаться въ водё, виставлял для диханія гростинкъ: ссли же славяне сражались въ нолё, то окружали себя упрёна ніемъ изъ телёгъ, ставя внутри женщинъ и дётей. Но они чъб згали виходить на бой въ отпалтое поле: природа ихъ страны да-

вала имъ уже достаточный оплотъ противъ враговъ. Такъ какъ седенія ихъ всегда лежали при рѣкахъ,—«которыя такъ часты, что между ними не остается значительнаго пространства»—то идущіе на нихъ войною принуждены бывали останавливаться у самаго предъла ихъ страны; между тѣмъ славяне, почуявъ приближеніе враговъ, мгновенно укрывались отъ нападенія. Съ другой стороны, мирный земледѣльческій бытъ славянъ мѣшалъ имъ обратиться въ завоевателей. Отмѣчаютъ византійскіе историки и частые раздоры среди славянскихъ племенъ: «между ними,—говоритъ одинъ писатель,—господствовали постоянно различныя мнѣнія; ни въ чемъ они не были между собой согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому».

Далеко не такъ снисходителенъ быль къ нравамъ древнихъ славянь русскій літописець; какь христіанинь и монахь, онь съ омерзеніемъ смотрѣлъ на все, что напоминало объ язычествѣ. Только о полянахъ отзывается онъ благосклонно, говоря, что они имъли обычаи кроткіе и тихіе, были стыдливы передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверьями, имъли брачный обычай. Нравы другихъ славянскихъ племенъ лѣтопись изображаеть, напротивь, мрачными чертами: древляне жили «по-скотски», убивали другь друга, вли все нечистое, и, вмъсто брака, похищали девинь; радимичи, вятичи и северяне имели одинаковый обычай — жили въ лѣсу, какъ звъри, ъли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами; браковъ у нихъ также не было, но происходили игрища между селами, гдв молодые люди, сговорившись съ дъвицами, похищали ихъ; держали по двъ и по три жены; если кто умреть, творили надъ нимъ тризну, сожигали трупъ и, собравши кости, складывали ихъ въ малый сосудъ, который ставили въ столив (курганв); на распутьи.

им. Горького

Новая цена Руб. коп. ов

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставить себъ задачей дать рядъ изображеній характерньйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредъляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый быть, какъ его можно себъ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изследованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято д'єлить на четыре большихъ періода: І. Кіевская Русь; ІІ. Суздальская Русь; ІІІ. Московская Русь; ІV.

Всероссійская Русь.

Важнъйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлъ, о появленіи варягово и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, о началь христіанства на Руси, о судь, объ управленіи вычевомъ и княжеском въ Руси Кіевских временъ. Семь картинъ на соотвътствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себъ цълью дать живописное художественное изображение указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изучение его прошлыхъ судебъ болъе всего останавливается на внъшнемъ фактъ татарскаго нашествія,приведшаго въ концъ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскоръ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: "Баскаки" и "Дворъ удъльнаю князя".

Картины, освъщающія быть Московскаго государства, можно раздълить на четыре большихъ группы. Первая имъетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тіхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группъ картинъ относятся тъ, которыя даютъ изображенїя моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдъльныхъ слоевъ общества тъхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ "службъ" государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имъетъ задачей иллюстрировать тъ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23 — 25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляють двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тъхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наибол'є ярко за все время его существованія опредълили, чъмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имъли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, "Смута" и "Расколъ церкви". Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ последнимъ векамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой-историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздъленія моменты иногда болье внышняго, чымь внутренняго значенія, но всегда имфя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себъ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслъвзять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извъстное

историческое состояние даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатъ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчивають главнъйшія изъ реформъ, дають избраженіе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указываютъ на пріемы реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28-35.)

Времени наследниковъ Петра Великаго, характеризуемаго обыкновенно какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаворитовъ при дворъ,

посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38-41): "Выходъ императрицы Екатерины II", "Въ лагеръ Екатерининскихъ солдатъ", "Дво-рянское собрание при Екатеринъ II", "Въ кръпостной деревнъ конца XVIII 6.".

Картина (42) "Вахтпарадъ императора Павла І" харақтеризуетъ это

сумрачное царствование съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредъляющее внъшнее событие того времени—1812 г., рисуя разорение Москвы французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену изъ жизни военныхъ поселеній (44); третья (45), "Декабристы", даетъ изображение изъ истории протеста противъ гнета

аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія нам'вчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46 — "Ученье рекруть въ Николаевское время".) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слъдствіемъ установившагося режима и господства крипостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благод втельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая "Тородъ Николаевскихъ временъ", пытается дать внъшнее изображение жизни русскаго обывателя тъхъ временъ, а картина "Балъ въ Москвъ 30-хъ годовъ" (48) рисуетъ тъ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будеть то пробуждение мысли и стремленіе къ жизни и свъту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинъ, расцвътъ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвъ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремъли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетъ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвъчаетъ картина (49) "Люди 40-хъ юдовъ".

Картина (50), относящаяся къ моменту освобожденія крестьянь, завер-

шаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряжение преподавателя русской исторіи поступають, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всъхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онъ сослужили свою добрую службу русской школъ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концъ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свътлому будущему, върно понять и оцънить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кром в этой серіи, нами нам вчено изданіе ряда картинъ, которыя изображають важнъйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внъшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

1494 т-во скоропеч. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.